

4. Tiras, Kh. P. Principle «Ethical equals precise» as a basis for ethos of biomedicine / Kh. P. Tiras // Биоэтика. – 2018. – Vol. 21, № 1. – P. 17–22.

5. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание (сборник статей) / Н. Бор. – М. : Издательство иностранной литературы, 1961. – 151 с.

6. Соломоник, А. Новая философская парадигма бытия / А. Соломоник // Международная конференция «Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4I для задач мониторинга безопасности» (SCVRT2018). – Пушино-Протвино, 2018. – С. 245–248.

7. Complete Chemical Synthesis, Assembly, and Cloning of a Mycoplasma genitalium Genome / D.G. Gibson, G.A. Benders, C. Andrews-Pfannkoch [et al.] // Science. – 2008. – Vol. 319. – P. 1215–1220.

REFERENCES

1. Selye G. At the level of the whole organism. Translated from English by I.A. Dobrokhotova, A.V. Parin. Moscow, Nauka Publ., 1972. 122 p. (In Russ.).

2. Moiseev, V.I. The contours of biorationality. Philosophical Problems of Biology and Medicine: The Phenomenon of Biorationality. Issue 13. Moscow, LENAND Publ., 2019. Pp. 11–17. (In Russ.).

3. Tiras H.P., Lesovichenko A., Kozhevnikova M. Ethics of digital biology: the renaissance of naturalism. Bioethics, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 38–42. (In Russ.).

4. Tiras Kh.P. Principle «Ethical equals precise» as a basis for ethos of biomedicine. Bioethics, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 17–22.

5. Bor N. Atomic physics and human knowledge (collection of articles). Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1961. 151 p. (In Russ.).

6. Solomonik A. New philosophical paradigm of being. International conference «Situational centers and information and analytical systems of class 4I for security monitoring tasks2» (SCVRT2018). Pushchino-Protvino, 2018. Pp. 245–248. (In Russ.).

7. Gibson D.G., Benders G.A., Andrews-Pfannkoch C. [et. al.] Complete Chemical Synthesis, Assembly, and Cloning of a Mycoplasma genitalium Genome. Science, 2008, vol. 319, pp. 1215–1220.

УДК 37.014:614.2

ФЕНОМЕН КАТАСТРОФИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СВЕТЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ БИОЭТИКИ

К.С. Смирнов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины,
ФГБОУ ВО ВолГМУ Минздрава России, Волгоград, zzzzzz111@mail.ru

Е.В. Коробко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины,
ФГБОУ ВО ВолГМУ Минздрава России, Волгоград, biosoc@yandex.ru

В статье анализируется явление катастрофического прогресса, который обусловлен развитием технонауки и стоящим за ней биокапитализмом. Сущность катастрофического прогресса заключается в том, что так называемая цифровизация ведет к появлению цифровой цивилизации, которая создает возможности для тотального контроля, новой технологической формы рабства и даже оптимизации численности «беспольных» людей. В качестве альтернативы катастрофическому прогрессу предлагается биоэтический дискурс в форме консервативной биоэтики, которая рассматривается как новая философия. С использованием деконструктивистского подхода показывается, что консервативная биоэтика есть учение о человеке как духовном существе, который именно в этом качестве связан с жизнью как сетевой структурой. Таким образом, консервативная биоэтика трактуется как радикальная этика сохранения жизни, способная заблокировать разрушительную тенденцию современного прогресса.

Ключевые слова: катастрофический прогресс, цифровизация, биокапитализм, консервативная биоэтика, жизнь, дух, любовь.

DOI 10.19163/2070-1586-2021-1(27)-17-21

THE PHENOMENON OF DISASTROUS PROGRESS IN THE LIGHT OF CONSERVATIVE BIOETHICS

K.S. Smirnov

PhD, associate professor of Department for Philosophy, Bioethics and Law with the Course of Medical Sociology,
FSBEI HE VolgSMU MOH Russia, Volgograd, zzzzzz111@mail.ru

E.V. Korobko

PhD, associate professor of Department for Philosophy, Bioethics and Law with the Course of Medical Sociology,
FSBEI HE VolgSMU MOH Russia, Volgograd, biosoc@yandex.ru

The phenomenon of the disastrous progress is analyzed in the article. This one is conditioned by the development of technoscience having biocapitalism behind it. The essence of the disastrous progress is that so-called digitalization leads to the rise of digital civilization, which is giving opportunities for the total control, new, technological form of slavery and even optimization of the size of "useless" people. As the alternative of the disastrous progress the bioethical discourse in the form of conservative bioethics is proposed. This one is considered as new philosophy. Using deconstructive approach one is demonstrating that conservative bioethics is the study about human as spiritual creature, who is connected with life as net structure just in this dimension. Thus, conservative bioethics is interpreted as radical ethics of the preservation of life, which is able to block the destructive tendency of the modern progress.

Key words: disastrous progress, digitalization, biocapitalism, conservative bioethics, life, spirit, love.

Понятие «прогресс» является очень емким и многозначным. Даже если взять латинскую основу данного понятия (progressus), то можно обнаружить такие смыслы,

как «движение вперед», «продвижение», «развитие», «успех». Однако с конца XX столетия происходит очевидная редукция понятия «прогресс» к его научно-техническому

измерению. При этом скорее можно говорить не о научно-техническом, а технонаучном прогрессе. Именно на эту форму прогресса возлагаются большие надежды. И по умолчанию считается, что прогресс технонауки автоматически или синергетически приведет к социально-политическому, материальному прогрессу и даже к прогрессу в области так называемой «природы» человека. Не будет большим преувеличением сказать, что технонаука стала явным «божеством» современного мира (за которым, правда, скрывается другое хорошо известное «божество» – капитал).

Иступленная вера в технонауку, которая в настоящее время представлена информационными и биотехнологиями, даже позволяет говорить некоторым представителям научного сообщества о современных людях как о «богах», по сравнению с людьми первой трети XX века. Эти «новые люди-боги» формируют и новый общественный уклад, который можно назвать цифровой цивилизацией.

Культовым фильмом самого конца XX века является работа братьев Вачовски (которые, впрочем, после так называемого трансгендерного перехода стали сестрами) «Матрица». В картине талантливо изображен мир, в котором все управление осуществляется глобальной компьютерной сетью (собственно Матрицей). А все человечество, за исключением сравнительно небольшой группы сопротивления, пребывает в виртуальном сне и подключено проводами через порталы в области затылка к этому суперкомпьютеру. Мир, создаваемый сетью в головах людей, разительно контрастирует с «пустыней реального», как называет руины и трупы один из лидеров сопротивления по имени Морфиус. Этот разрушенный мир реального и есть место настоящего пребывания человечества. Однако двумя мирами (виртуальным и реальным) управляет узкий круг создателей Матрицы, задающих условия игры или формирующих дискурс. Примечательно, что на столе у другого героя фильма, ставшего впоследствии еще одним ведущим лидером сопротивления по имени Нео, лежит книга неизвестного мыслителя последней трети прошлого века Жана Бодрийера «Симулякры и симуляция».

Кто бы мог подумать, что через два десятка лет человечество окажется в ситуации очень близкой к той, которая показана в фильме. Разразившаяся пандемия COVID-19 стала настоящим «подарком» радителям нового общественного уклада. Теперь подключение к глобальной сети Интернета, удаленная работа и учеба посредством компьютера, наличие смартфона в качестве компактной формы компьютера с интернетом, который «всегда с тобой», пока добровольная, но в обозримой перспективе «добровольно-принудительная» вакцинация, возможный «паспорт здоровья» – все это реалии наступающей цифровой цивилизации. А если добавить к этому возникшие еще до пандемии электронные деньги, локальные системы социальных рейтингов доверия, то картина матричной жизни «on-line» становится почти завершенной. Осталось сделать последний шаг: произвести инвазию матричного элемента в человеческий организм (при этом провода, подведенные к затылку, кажутся очевидным анахронизмом). Любопытную версию подобной инвазии предлагает нетривиальный современный российский писатель Владимир Сорокин в своем последнем романе «Манарага». В этой своеобразной антиутопии, фантазии о стремительно наступающем будущем писатель называет матричные элементы «умными блохами». Главный герой книги говорит, что такая умная блоха – это «дорогая игрушка... прыгнула в Варолиев мост моего мозга... благодаря своим блохам я по сей день жив и здоров... К тому же теперь у меня в голове есть ВСЕ» [9, с. 25].

Каковы же последствия этой цифровой революции для человека? В том же романе Сорокина, когда представители организованной преступности насильственным образом извлекают умных блох из организма главного героя, он описывает свои переживания следующим образом: «Мой мозг пуст... Молчание мозга. Моего. Глубокое» [9, с. 215]. Человек, создавая цифровую матрицу, теряет себя и разрушается. Здесь вспоминается строка замечательного поэта Андрея Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Поэтому цифровизация представляет собой феномен катастрофического прогресса.

Выражение «катастрофический прогресс» принадлежит русскому философу начала XX века Владимиру Францевичу Эрну. Описывая катастрофический прогресс, Эрн отмечает, что «будущее – это не мирный культурный процесс постепенного нарастания всех ценностей, а катастрофическая картина взрывов» [12, с. 141].

В самом деле, цивилизация цифры подрывает тысячелетнюю культуру слова. В конце концов, человек есть текст, который формируется через диалог с другими людьми (живыми или мертвыми). Эти другие (родители, учителя, авторы книг) являются носителями Традиции, в начале которой, как известно, было слово, а не цифра. Именно через приобщение к Традиции слова человек обретает полноту мышления, которое включает в себя как дигитальное, двоичное (рациональное), так и аналоговое. Как отмечает известный современный философ Александр Дугин, «самое фундаментальное отличие аналогового мышления от двоичного заключается в том, что оно наивно, но при этом упорствует в нежелании разбивать сложный, холистский, целостный комплекс в систему абстрактного двоичного кода» [2, с. 282]. Однако в новом цифровом укладе явно обнаруживает себя тенденция наделять дигитальное мышление фундаментальным статусом. Это проявляется в настоящее время в максимальном распространении дигитальной компьютерной технологии. «Компьютер, на основании которого предполагается развивать информационные и социальные системы в самом ближайшем будущем, оперирует в своей базе именно с парой 1-0. Причем в данном случае частота рассудочного кода гораздо выше, нежели в случае человека. Если брать за образец человека только его рассудочную сторону, его *сogito*, то «совершенным человеком» следует признать совершенный аппарат... По критериям двоичного кода совершенный человек – это компьютер» [2, с. 306]. А единственным, что как-то приближает обычного человека к такому «совершенству», является постоянная, тесная (в идеале инвазивная) связь с компьютерной, интернетной матрицей. Если же человек сопротивляется этой принудительной связи, то его существование вообще может быть поставлено под вопрос, «обнулиться», как происходит с хорошо известной даже нематематикам функцией Дирихле, принимающей нуль на иррациональных значениях.

Выдающийся канадский философ и культуролог Маршалл Маклюэн еще на заре экспоненциального развития компьютерной техники сформулировал свой знаменитый тезис: «The medium is the message». Это фраза обычно переводится как «средство коммуникации есть сообщение». Мы считаем, что более правильно переводить «средство коммуникации является посланием». В современных условиях, когда средство коммуникации трансформируется в новый цифровой уклад, это послание человеку о том, что он ничто, ничтожество, «голая жизнь» без связи с цифровым миром или перспективного цифрового матричного импланта.

Однако, цифровой уклад – это то, что находится на поверхности и в этом смысле продолжает оставаться средством. Средством невиданного нового управления каждым человеком и его новым, кажется окончательным, порабощением. Важнее понять, что стоит за явлением, где бьется «сердце тьмы». В этом смысле хочется вспомнить слова Маркса о том, что «быть радикальным – значит понять вещь в ее корне» [11, с. 163].

Когда к концу прошлого столетия капитализм стал глобальным и рынок стал размером с планету, перед капитанами большого бизнеса встал вопрос: куда двигаться дальше? Ибо капитал, будучи самодвижущейся и саморазвивающейся субстанцией «живет» только постоянным движением, ростом. Если внешняя экспансия уже невозможна, то надо искать новое поле для своей активности. Этим полем становится человеческий биос, человеческий организм. А средствами освоения этого «нового» ресурса становятся технаука... и медицина (примечательно, что в массмедийном пространстве с началом «ковидной эпохи» нынешний век объявляется «веком медицины»). Так возникает биокапитализм. Человек в таком укладе есть, прежде всего, и главным образом человеческий капитал, «сам себе предприниматель», своего рода мобильное малое предприятие. То есть в биокапитализме старое, марксистское отношение капитал – труд преобразуется в новое отношение капитал – жизнь. Капитал переходит в область самого жизненного процесса социума и отдельного человека. Этот переход с началом ковидной эпохи продолжается с нарастающей интенсивностью. Большая «МАГФА» (ведущая пятерка в области цифровых технологий: Майкрософт, Эрл, Гугл, Фэйсбук, Амазон) частично перетекает и дополняется большой «ФАРМОЙ», которая получила новый рынок глобальной вакцинации. Наука и технаука становятся биотехнаукой, где наука, политика и культура образуют неразрывный комплекс.

В основе биокапитализма лежат биологические, генетические, информационные и коммуникационные технологии. Эти технологии вместе с коммерциализацией заботы о здоровье, медицины и образования становятся триггером современной экономики. Удельный вес этих сфер в мировой экономической системе стремительно растет, и они оказываются очень привлекательными объектами инвестирования. Эта тенденция обесценивает великие достижения человечества, связанные с превращением медицины и образования в общественные секторы, доступные каждому. Так, области, имеющие самое прямое отношение к воспроизводству биологической и социальной жизни, подчиняются логике рыночных отношений.

Более того, уже ставится под вопрос дотационный характер всей системы социальной защиты. Это предполагает, что каждый человек с самых юных лет должен подумать о том, чтобы приобрести нужные знания, навыки и развить те способности, которые позволят стать ему максимально эффективным человеческим капиталом. Это необходимо, чтобы потом, когда человек не сможет в силу возраста продолжать эффективно и напряженно работать, его человеческий капитал был конвертирован в экономический капитал, который призван заменить пенсию.

Американский философ Айн Рэнд отмечала: «Капитализм – общество торговцев» [6, с. 67]. Можно развить эту мысль и сказать, что биокапитализм – это общество, где всех принуждают быть торговцами. Все должны торговать. Все неустанно и каждодневно должны заниматься трансформацией всевозможных аспектов жизни в бизнес. В бизнес превращается сексуальность, брак, репродукция, здоровье, идентичность, познание, отношения, идеи, красота

и т. д. В биокапитализме уже нет грани между работой и отдыхом. Собственно, само понятие «время отдыха», или отпуск, оказывается все более абстрактным. Люди постоянно заняты планированием и реализацией бесконечных бизнес-проектов. Все люди, работающие по найму, вынуждены становиться индивидуальными предпринимателями, управляя своей карьерой как малым предприятием. Человек вынужден становиться малым предприятием.

Биокапитализм есть новейшая стадия капитализма, при которой происходит синтез биомедицинского знания и рыночной экономики, а также превращение биологических аспектов жизни в биокапитал. В биокапитализме капитал формируется на основе всей ресурсной базы человеческой жизни. При биокапитализме нужно «вкладывать в себя». Данная система вынуждает инвестировать в собственное развитие, проявлять заботу о своем будущем, находиться в постоянном поиске все новых средств для поддержания активного, креативного долголетия. При этом личный успех в биокапитализме обуславливается креативностью, энергией, здоровьем, привлекательным имиджем, умением продавать себя. Главным требованием к человеку становится диверсификация собственного биокапитала. Чтобы добиться успеха в условиях биокапитализма, человеку нужно искать все новые формы для своего товарного измерения. В этом смысле предметами купли-продажи являются имидж, эмоциональный и интеллектуальный потенциал, сексуальные услуги, репродуктивные способности и возможности, генетический биоматериал, органы собственного организма и, по-видимому, в ближайшем будущем тело, как место размещения цифрового, мат-ричного импланта.

Особое внимание современных людей к проблемам здоровья, долголетия, собственного имиджа связано с влиянием двух пересекающихся тенденций. С одной стороны, система биокапитализма требует от индивида проявлять заботу о себе, вкладывать в себя, быть своим собственным менеджером, потому что только такое поведение может привести к коммерческому успеху. С другой стороны, возникновение и продвижение новых биомедицинских технологий обещают исполнение этих требований, а сами данные технологии являются агентами рынка. Памятуя о том, что мы вступили в «век медицины», обращают на себя внимание три биомедицинские технологии, которые помогают управлять биокапиталом. Во-первых, это персонализированная медицина, которая призвана корректировать жизне-угрожающие и ежедневные риски, мешающие превращению жизни в бизнес-проект. Во-вторых, это клеточная медицина, которая является перспективной с точки зрения продления активного долголетия и омоложения. В-третьих, это репродуктивная медицина, которая помогает управлять репродуктивной функцией организма в условиях массового распространения таких феноменов, как отложенное материнство и бесплодие. Разумеется, эти технологии находятся под патронажем большой «ФАРМЫ».

Таким образом, биокапитализм предполагает инвазию капитала в человеческий биос посредством новейших высоких технологий с целью максимального использования ресурсов человеческого организма и одновременно достижения максимального контроля над каждым человеком.

В последнее время в массмедийном пространстве присутствует выражение «безлюдное производство». Это предполагает, что на высокотехнологичных, роботизированных предприятиях число занятых людей минимально (не более 2 % от работавших в индустриальную эпоху). Примерно такое же число людей может быть занято на высокотехнологичных агрокомплексах. Цифровизация

делает вполне возможным минимизацию занятости в сфере услуг. Так человечество приближается к «безлюдному миру». В таком мире подавляющему большинству человечества нет места. Пандемия COVID-19 приводит к исчезновению и без того немногочисленного среднего класса в связи с крахом малого и среднего бизнесов. Таким образом, в мире остается только два класса: сверхбогатая цифровая и финансовая «аристократия» со своей статусной обслугой и семь миллиардов «беспольных» людей, которые не полагают ни капиталом, ни возможностью заработать себе на жизнь. При этом тот тип человека, который формируется цифровой цивилизацией, «становится чрезвычайно опасным в условиях быстрого прироста знаний и усложнения техники, поскольку такой человек получает в свои руки поистине смертоносные орудия» [5, с. 59]. Обладая огромными финансовыми ресурсами, способностью влиять на политическую власть, подобные люди вполне могут реализовать «возможность злонамеренного использования этих орудий вследствие нравственной нечувствительности, безответственности или беззаботности» [5, с. 59] для оптимизации числа «беспольных» людей. Экспоненциальный технологический прогресс, который сопровождается регрессом нравственным, поистине способен привести к гибели человеческую цивилизацию и формированию на ее руинах постчеловеческой, цифровой, матричной структуры. Любопытно, что в массмедийном пространстве интернета для подобной структуры есть удачное название – «цифровой концлагерь».

Чтобы не допустить такой, вполне реальный сценарий, необходимо развитие нового дискурса, который был бы теоретической основой для подлинного совершенствования человека и обнаружения контуров новой посткапиталистической парадигмы развития человечества. В этом смысле возникший более полувека назад биоэтический дискурс в соединении с деконструктивистским подходом представляется перспективным и эвристическим. За этот период можно наблюдать значительную эволюцию биоэтики. Начиная с определения В. Поттера («биоэтика как наука выживания») до «прикладной философии» и «социальной науки о справедливости» в интерпретации Н.Н. Седовой. Мы полагаем, что биоэтика в настоящее время может стать универсальной этикой посредством деконструктивистской радикализации этики. При этом такого рода радикализация, парадоксальным образом, возможна в рамках консервативной биоэтики. С точки зрения профессора И.В. Силуановой, «консервативная биоэтика находит свои основания и свое выражение в традиционных принципах медицинской этики» [8, с. 15]. Термин «консерватизм» восходит к латинскому *conservativus*, что можно перевести как «охранительный» или даже точнее «сохраняющий». Отсюда следует, что консервативная биоэтика предполагает сохранение жизни во что бы то ни стало. В этом собственно и проявляется парадоксальный радикализм этого типа биоэтики. При этом можно говорить о политическом измерении консервативной биоэтики. Данное измерение предполагает устранение зависимости человеческой жизни от денег. Такого рода элиминация может быть реализована через введение безусловного основного дохода. Здесь особо следует отметить, что идея БОД уже перестает быть лишь элементом экономической теории. В 2016 г. в Швейцарии прошел референдум по вопросу о введении БОД. «На референдуме 2016 года «за» высказалось 23 % голосовавших» [10, с. 116]. Такой же референдум был проведен и в Финляндии.

Как указывает британский аналитик профессор Пол Мейсон в своей вызвавшей широкий отклик книге «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему»: «Идея

проста: каждый человек работоспособного возраста безо всяких предварительных условий получает от государства базовый доход, который финансируется за счет налогообложения и заменяет пособия по безработице. Другие формы социальных выплат – семейных, по инвалидности или по уходу за ребенком – останутся, но станут небольшими дополнениями к базовому доходу... Базовый доход, выплачиваемый за счет налогов, которые взимаются с рыночной экономики, дает людям шанс создать себе позиции в нерыночной экономике. Он позволяет им заниматься волонтерством, открывать кооперативы, редактировать Википедию, учиться трехмерному программированию или просто существовать» [4, с. 386, 387]. Однако еще задолго до появления этих рассуждений Мэйсона блестящий писатель Оскар Уайльд написал небольшое эссе «Душа человека при социализме». В этом эссе Уайльд, рассуждая о будущем человечества, в котором все работу будут выполнять машины, механизмы (*machinery*), пишет о том, что свободный человек будет заниматься «созданием прекрасных вещей или чтением прекрасных вещей, или просто созерцанием мира с восхищением и восторгом» [13, с. 1089].

Мы неслучайно упомянули эссе английского поэта. Ключевое слово в его работе – это «душа». Дело в том, что корни консервативной биоэтики лежат в этических идеях Сократа, Платона, а также религиозно-философских доктрин Востока, Запада и России. Оставляя за скобками идеалистический характер этих философских дискурсов, выделяем из них главное: человек обладает способностью к тому, чтобы стать существом духовным, чтобы обрести душу, нравственное чувство. Подчеркнем, изначально у человека есть только способность, потенциальная возможность, которая может и не осуществиться. В этом случае человек будет развиваться в бестиальном режиме, прикрытым социальной, глубоко лицемерной политкорректностью. И тогда даже введение БОД окажется для бестиализированного человека бедой для него самого и окружающих людей.

Чтобы человек обрел нравственное чувство, нужна соответствующая система воспитания и образования. Речь идет о нравственном чувстве ценности любой жизни. Именно в рамках консервативной биоэтики тезис о жизни как высшей ценности обретает свою полноту. Тогда консервативная биоэтика становится особым философским дискурсом о сохранении универсума живого.

В своем эссе «1 сентября 1939» У.Х. Одена Иосиф Бродский проводит деконструкцию большого стихотворения выдающегося английского поэта Уистана Одена. Надо сказать, что Оден первым помог Бродскому после выезда на Запад. Причем помог реально, а не только добрым словом (что тоже не маловажно). Стихотворение написано в момент начала Второй мировой войны. Оден, как и всякий большой талант, перед лицом наступающей трагедии скромно отмечает: «All I have is a voice» (У меня есть только голос). Далее идет очень актуальная для нашей эпохи строка: «Our world in stupor lies» (Наш мир лежит в оцепенении). Она абсолютно коррелирует с характеристикой, данной профессором Н.Н. Седовой: «бесконечная усталость, загруженность информационными потоками, постоянная тревога, неадаптированность к технологической среде по сравнению со средой природной» [7, с. 15]. И, наконец, ключевая, с точки зрения Бродского строка, которую он будет цитировать всю свою жизнь: «We must love one another or die» (Мы должны любить друг друга или умереть). Бродский указывает, что эти слова есть «конец дороги разума» [1, с. 118]. Того самого разума, который привел человечество к «цифровому концлагерю».

Деконструкция стихотворения Одена открывает нам новый смысл предмета консервативной биоэтики: человека как духовного существа. Чтобы разобраться с понятием духовности человека в рамках заданного дискурса, следует обратиться к понятию «дух». Английское spirit происходит от латинского spiritus (дыхание). То же самое означают санскритское atman и греческое psyche. Одинаковый смысл этих древних слов наводит на мысль, что в древнейших традициях Запада, Востока и Руси понятие дух отсылает нас к значению «дыхание». Причем дыхание, которое чувствуется (можно вспомнить Пушкина: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет»). Ф. Капра и П.Л. Луизи отмечают: «Поскольку дыхание действительно играет центральную роль в метаболизме практически всех живых существ... дыхание жизни оказывается идеальной метафорой для обозначения метаболических сетей – ключевой характеристики всего живого. Дух, дыхание жизни объединяет нас со всеми живыми существами; это то, что питает нас и поддерживает нашу жизнь» [3, с. 275, 276].

Консервативная биоэтика по-новому выявляет значение биоэтики как нравственного отношения ко всему живому. Это нравственное отношение предполагает сопричастность ко всему живущему. Она предполагает такие стандарты поведения людей, которые исходят из нравственного чувства принадлежности к огромной сети жизни. Такое представление консервативной биоэтики о жизни как сети, совокупности кооперативных процессов и, наконец, любви позволяет заблокировать деструктивную тенденцию, обусловленную биокапитализмом и цифровизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский, И. Песнь маятника: Избранные эссе / И. Бродский ; пер. с англ. – СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2016. – 288 с.
2. Дугин, А. Философия традиции / А. Дугин. – М., Арктогея-Центр, 2002. – 624 с.
3. Капра, Ф. Системный взгляд на жизнь: Целостное представление / Ф. Капра, П. Л. Луизи ; пер. с англ. – М. : УРСС: ЛЕНАНАД, 2020. – 504 с.
4. Мейсон, П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / Пол Мейсон. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
5. Пигалев, А.И. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека / А.И. Пигалев // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 50–59.
6. Рэнд, А. Капитализм: Незнакомый идеал / А. Рэнд ; пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2018. – 636 с.
7. Седова, Н.Н. Цифровизация цефализации: прогресс или эволюционный тупик? / Н.Н. Седова // Размышления о Человеке :

коллективная монография. – Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2020. – С. 7–19.

8. Силуянова, И.В. Биоэтика: определение и виды / И.В. Силуянова, Л.Е. Пищикова // Биоэтика. – 2020. – № 1 (25). – С. 6–16.
9. Сорокин, В.Г. Манарага: роман / В.Г. Сорокин. – М. : Издательство АСТ: CORPUS, 2017. – 256 с.
10. Филд, Д. Есть ли будущее у капитализма? / Д. Филд. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. – 144 с.
11. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / ред. кол.: И.Т. Фролов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Республика, 1995. – 528 с.
12. Эрн, В.Ф. Идея катастрофического прогресса / В.Ф. Эрн // Литературная учеба. Кн. 2. – 1991. – С. 133–141.
13. Complete works of Oscar Wilde. Harper Perennial / A Division of Harper Collins Publishers. General editor: J. B. Foreman. – 1989. – 1216 p.

REFERENCES

1. Brodsky I. Song of the Pendulum: Selected Essays. Translation from English. St. Petersburg, Publishing group «Lenizdat», «Book laboratory», 2016. 288 p. (In Russ.).
2. Dugin A. Philosophy of tradition. Moscow, Arktogea-Center, 2002. 624 p. (In Russ.).
3. Capra F., Louise P.L. A Systemic View of Life: A Holistic View. Translation from English. Moscow, URSS: LENANAD, 2020. 504 p. (In Russ.).
4. Mason P. Post-capitalism: a guide to our future. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 416 p. (In Russ.).
5. Pigalev A.I. Deconstruction of money and the post-modern concept of man. Questions of Philosophy, 2012, no. 8, pp. 50–59. (In Russ.).
6. Rand A. Capitalism: An Unfamiliar Ideal. Translation from English. Moscow, Al-Pina Publisher, 2018. 636 p. (In Russ.).
7. Sedova N.N. Digitalization of cephalization: progress or evolutionary deadlock? In: Reflections on the Man: a collective monograph. Volgograd, VolgGМУ Publishing House, 2020. Pp. 7–19. (In Russ.).
8. Siluyanov I.V., Pishchikova L.E. Bioethics: definition and types. Bioethics, 2020, no. 1 (25), pp. 6–16. (In Russ.).
9. Sorokin V.G. Manaraga: a novel. Moscow, Publishing house AST: CORPUS, 2017. 256 p. (In Russ.).
10. Field D. Does Capitalism Have a Future? M.: Ad Marginem Press, 2019. 144 p. (In Russ.).
11. Man: Thinkers of the past and present about his life, death and immortality. XIX century. Editorial board: I.T. Frolov (executive editor) [at al.]. Moscow, Republic Publ., 1995. 528 p. (In Russ.).
12. Ern V.F. The idea of catastrophic progress. Literary study. Book 2, 1991, pp. 133–141. (In Russ.).
13. Complete works of Oscar Wilde. Harper Perennial. A Division of Harper Collins Publishers. General editor: J. B. Foreman. 1989. – 1216 p.

УДК 614.253(09)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТИКИ ДРЕВНЕЙ МЕДИЦИНЫ

Г.С. Табатадзе

*доктор философских наук, профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины
ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России, tabatadze.48@mail.ru*

О.В. Костенко

*кандидат медицинских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины
ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России, olyakostenko@mail.ru*

Т.С. Караченцева

доктор философских наук, доцент кафедры философии Еврейского Университета в Иерусалиме, tanyaKrster@gmail.com

В статье рассматривается становление этики врачевания в Древнем Египте и Древней Индии как обязательных правил поведения врача. Опираясь на исторические источники, в статье выделяют наиболее характерные для древней медицины этические нормы. Формирование основ врачебной этики в этих странах (III–II тысячелетие до н. э.) имело весьма схожие черты, а специфика была связана